

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ПОЛЕМИКА ИСОКРАТА С АКАДЕМИЕЙ ПЛАТОНА

В отечественной научной литературе при широком использовании текстов Исократ в русле изучения политического красноречия до сих пор не было попыток характеристики этого автора как оригинального мыслителя с определенными философскими взглядами. Между тем, если как политический оратор Исократ играл заметную роль в государственной жизни Афин середины IV в. до н. э., то, возглавляя одну из крупнейших афинских школ¹, он в равной степени находился в центре культурного движения и борьбы мнений в такой области как *paideia*.² Участвуя в этой борьбе, Исократ, несомненно, воздействовал на современных ему мыслителей и сам испытывал влияние их взглядов. В первую очередь заслуживают исследования отношения школы Исократ с наиболее значительной школой — Академией.

Исследования текстов Исократ во второй половине XIX — начале XX в. привели ученых к опровержению античных версий взаимоотношений Исократ и Академии — свидетельств античных биографий Исократ о том, что он в молодости был учеником Сократ³, а также легенды о дружбе Исократ и Платона (восходящей к Plat., Phaedr. 279a, b⁴). Сравнительный анализ произведений двух авторов говорит скорее об упорном соперничестве и частой полемике. В течение нескольких десятилетий не оставало увлечение поиском все новых сопоставимых контекстов, происходило накопление фактов. В результате, с одной стороны, все отчетливее обрисовывалась подлинная картина отношений Платона и Исократ как отношений полемических⁵, с другой — недостаточная определенность текстуальных и исторических свидетельств привела подобные исследования к своеобразному кризису: многие контексты

¹ По терминологии самого Исократ можно было бы назвать его школу наряду со школами Евклида, Платона, Антифена и другими «философской», так как предмет своих занятий сам он именовал «философией», вкладывая в это слово примерно тот же смысл, что мы — в понятие «культура»; см. *Wersdörfer H.* Die *philosophia* des Isokrates im Spiegel ihrer Terminologie. — *Klassisch-philologische Studien*, Ht 13, Lpz, 1940; *Voliotis H.* The Term Philosophy in Isocrates' Works and the relevant Aspects in Plato's and Aristotle's. — *Platon*, 1978, XXX, p. 134—138.

² Именно возникновение философских школ, по В. Яегеру, есть главный симптом бурного духовного развития Афин в ту эпоху: *Jaeger W.* *Paideia*. III. N. Y., 1944. Ср. *Jaeger E.* Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. II, 1⁴. Lpz, 1889, S. 31—43; *Lynch J. P.* *Aristotle's School*. Berkeley, 1982 (pref.).

³ Эти биографии собраны в издании: *Mathieu — Brémond.* *Isocrate*. P., 1928—1962.

⁴ Систематически аргументация по данному вопросу изложена в диссертации: *Ries K.* *Isokrates und Platon im Ringen um die Philosophia*. München, 1959, S. 1—12.

⁵ Ср. например: *Dümmel F.* *Chronologische Beiträge zu einigen platonischen Dialogen aus den Reden des Isokrates*. Progr. zur Rektoratsfeier der Universität. Basel, 1890, S. 8, 13; *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. II. Lpz, 1892; *Gomperz H.* *Isokrates und die Sokratik*. II. — *Wiener Studien*, 1906, 28; *Dümmel F.* *Akademika*. IV. *Platon und Isokrates*. Bonn, 1882.

истолковывались разными авторами противоречиво⁶, и отчетливое представление о реальном характере связей между двумя виднейшими афинскими школами так и не было создано. Для научных работ этого обширного круга вообще характерна безусловная добросовестность филологического анализа текста при известном концептуальном бессилии, что с полным основанием можно сказать и об итоговом труде данного направления — диссертации Клауса Риса, справедливо подвергнутой критике В. Буркерт⁷.

Объективная трудность, ставящая здесь исследователей в тупик, есть «неоднозначность» как общий метод сочинений Исократ⁸, сущность которого состоит в том, что самые серьезные и глубокие мысли не высказываются открыто, о них можно узнать лишь по намекам; намеки же указывают на противников, никогда не называемых по именам⁸. Сам оратор говорит об этом в той части своей последней речи (Papatheuaicus), которую можно назвать его завещанием (XII, 233—265). Исократ влагает в уста выведенному там ученику определение собственных речей как «неоднозначных» (λόγοι ἀμφίβολοι — 240); внешний их смысл доступен всеобщему пониманию, в то время как скрытый — лишь немногим ищущим истины (240—242, 261). Поэтому понятием скептицизм тех ученых, которые вообще отрицают какую-либо возможность построить историю взаимоотношений Исократ⁹ и Платона⁹. Мы сталкиваемся с той же проблемой, что и при истолковании диалогов Платона: когда исчерпаны средства объективной интерпретации, исследователь вынужден встать на путь гипотез; при этом всегда существует вероятность ошибки, и в этой вероятности — тот риск и та ответственность, которую он обязан брать на себя¹⁰.

Выход из создавшегося затруднительного положения подсказывает гипотеза Дж. Райла¹¹, вводящая в поле зрения Аристотеля как наиболее деятельную фигуру в Академии в 50-е годы IV в. Следует сказать, что подобные предположения спорадически выдвигались и ранее, например К. Мюншером¹², для истолкования Isocr., XV, 2: «... потому что я, зная, что некоторые софисты хулят мои занятия и говорят, что я составляю судебные речи...». К. Рис считает, что здесь имеется в виду Платон¹³, для доказательства чего предлагает весьма сложное построение: Исократ в речи Adversus sophistas говорит о неких «неистово предающихся спорам» (τῶν περὶ τὰς ἐρίδας κλινομένων — XIII, 20), намекая, судя по всему, на Платона. Платон, в свою очередь, в диалоге «Теэтет» упоминает о «смолоду вертящихся по судам и подобным заведениям» (οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιοῦτοις ἐκ νέων κλινομένοι — Theaet. 172 c.) В речи De permutatione Исократ среди прочих обвинений в свой адрес называет следующее: он, дескать, превзошел всех «вертящихся по судам» (τῶν

⁶ Хорошим примером здесь служит работа Бенно де Хагена, отвергающая соперничество Исократ⁸ и Платона фактически на основании тех же текстуальных совпадений, исходя из которых оно утверждается в процитированных выше исследованиях: Hagen B. de. Num simultas intercesserit Isocrati cum Platone. Jena, 1906.

⁷ Burkert W. Rec. — In: Gnomon, 1961, 33, p. 349.

⁸ Eucken Chr. Isokrates. Seine Positionen in der Auseinandersetzung mit den zeitgenössischen Philosophen. B., N. Y., 1983, S. 3—4.

⁹ Marrou H. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. P., 1949, p. 432.

¹⁰ Tigerstedt E. N. Interpreting Plato. Uppsala, 1977, p. 107.

¹¹ Ryle G. Dialectic in the Academy. — In: Aristotle on Dialectic. The «topics». Proceedings of the Third Symposium Aristotelicum. Oxf., 1968, p. 69—79.

¹² Münscher K. — RE, Bd XVIII, 1916, Sp. 2146 ff., s. v. Isokrates.

¹³ Ries. Op. cit., S. 132, 156.

περὶ τὰ δικάστῃρια καλινδομένων — XV, 30). Это, по мнению К. Риса, соответствует обвинению в *Isocr.*, XV, 2 и относится к Платону.

К. Мюншер же еще задолго до появления работы К. Риса относил рассматриваемый намек к Аристотелю, указывая на свидетельство Дионисия Галикарнасского (*Isocr.* 18), согласно которому Аристотель особенно смеялся над Исократом за то, что он не переносит, когда его смешивают с логографами, в то время как все книжные лавки завалены его судебными речами¹⁴. Аристотель пародировал стих из трагедии «Филоктет» (по всей видимости, принадлежавшей Еврипиду): «позор, смолчав, дать Исократу говорить». Представляется вероятным, что частично эти сообщения восходят к утерянному диалогу Аристотеля *Γρόλλος ἢ περὶ ῥητορικῆς*¹⁵. «Риторика» Аристотеля, в которой примеры из сочинений Исократа цитируются как образцы красноречия, по духу своему близка скорее к концепции платоновского «Федра» (строгое разграничение риторики, диалектики и этики) и глубоко чужда взглядам Исократа.

Если К. Рис сомневается в возможности установить взаимоотношения Исократа и Аристотеля, указывая на то, что текст не дает для этого достаточных оснований¹⁶, то на это можно возразить, что, во-первых, и в случае с Платоном мы имеем в распоряжении лишь намеки; во-вторых, античная традиция свидетельствует об особенно обостренных отношениях Исократа именно с Аристотелем¹⁷. Кроме того, вполне возможно, что нападки Аристотеля имели под собой определенное основание. Как показал К. Ойкен¹⁸, традиционное представление о том, что Исократ, основав в 390 г. школу и выдвинув педагогическую программу в речи *Adversus sophistas*, вслед за тем совершенно оставил занятие судебными речами¹⁹, вряд ли соответствует действительности. Во-первых, дата написания речи *Adversus sophistas* (приблизительно 390 г.) не может считаться окончательно установленной; во-вторых, Исократ не отвергает в ней судебное красноречие, а лишь включает его в более объемное определение «речи» в целом.

Однако значение гипотезы Дж. Райла в том, что он учел огромный прогресс в изучении хронологии работ Аристотеля, происшедший со времени исследований В. Яегера (1923 г.)²⁰ и отраженный в работе И. Дюринга (1966 г.)²¹. По новым представлениям, Аристотель начал читать курс риторики в Академии почти одновременно с преподаванием ранних частей «Топики», т. е. до середины 350-х годов. Основания для данного предположения, помимо частых совпадений методологических указаний Аристотеля по обоим предметам, в частности между *Top.* III и *Rhet.* I, 6—7 (так что изучение риторики как бы предполагает знание диалектики), дает и тот факт, что одновременное преподавание этих двух

¹⁴ *Münscher. Op. cit.*, Sp. 2169 f.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ries. Op. cit.*, S. 162.

¹⁷ Ср. например, *Cic.*, *Tuscul.* 1, 4, 7: *Isocratis rhetoris gloria motus est Aristoteles; De off.* 1.1.4: *horum uterque suo studio delectatus contempsit alterum; Orat.* 51, 172: *Isocrati nemo infensus aduersatus est, quam Aristoteles; cf. De or.* 3, 16, 59; *Orat.* 19, 62.

¹⁸ *Eucken. Op. cit.*, S. 5—14.

¹⁹ *Jaeger. Op. cit.*, p. 317; *Ries. Op. cit.*, S. 25; cf. *Blass. Op. cit.*, S. 17 f.; *Münscher. Op. cit.*, Sp. 2169 f.

²⁰ *Jaeger W. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung.* В², 1955.

²¹ *Düring I. Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens.* Heidelberg, 1966.

дисциплин было обычным явлением²². С другой стороны, Платон вряд ли мог преподавать диалектику, по крайней мере, в означенный период (середина IV в.). Достигнув вершин сократического метода диалога в «Горгии» и 1-й книге «Государства», он в дальнейшем оставляет его, и в поздних диалогах противники Сократа уже не защищают в споре свои утверждения²³. Своеобразное отражение этого перелома находится в Resp. 537—539, где Сократ запрещает соревнование в вопросах и ответах людям в возрасте до 30 лет (ср. Xen., Mem. I, 31—38, где тот же запрет налагают тираны)²⁴. Косвенное подтверждение сказанному мы находим у Исократа: если в речи De permutatione, в пассаже, критикующем, по общему признанию²⁵, педагогическую программу Академии (XV, 258—269), говорится прежде всего о занятиях «эристическими речами», то в более раннем отрывке (XI, 15—23), где Египту приписываются отдельные моменты государственного устройства, рекомендованного Платоном в «Государстве» (в том числе и педагогическая система Академии), речь идет об астрономии, арифметике, геометрии, а об эристике (что для Исократа равнозначно диалектике) не упоминается вовсе.

Итак, главный вывод, который мы можем вынести из построения Дж. Райла, — это закономерность выдвижения Аристотеля в середине IV в. на первую роль в полемике Академии со школой Исократа, что заставляет систематически, а не от случая к случаю, исследовать возможные намеки на Аристотеля в текстах Исократа.

В связи со сказанным особое внимание привлекает именно речь De permutatione, во-первых, датой написания (353 г.) — на это время падает расцвет деятельности Аристотеля в Академии и, во-вторых, открыто апологетическим и полемическим, в отличие от прочих речей сходной тематики, характером. О последнем свидетельствует прежде всего фиктивность судебного процесса, лежащего в основе сюжета произведения. О том, что процесс придуман, говорит сам Исократ (XV, 8, 13)²⁶. К. Мюншер доказывает²⁷, что процесс с обвинителем Лисимахом представляет собой фикцию еще и потому, что в деле об обмене имуществом, в действительности проигранном Исократом (XV, 145), обвинителем выступал Мегаклид, и мы знаем, по свидетельству Дионисия Галикарнасского (Din. 13а, Е), что оно имело место еще при жизни полководца Тимофея, следовательно до 356 г., и, таким образом, De permutatione — ни в коем случае не та речь, которую представитель Исократа мог произнести на суде. Сообщение же Псевдо-Плутарха (X orat. vitae, 839 с) о

²² Среди сочинений Антифена Диоген Лаэртский (6.1) называет *περί λέξεως ἢ περί χαρακτήρων* («О словесном выражении, или о стилях речи») — произведение риторическое, диалектические трактаты *περί τοῦ διαλέγεσθαι* («О споре»), *Σάφων ἢ περί τοῦ ἀντιλέγειν* («Сафон, или о противоречии»), эристические трактаты *περί ὀνομάτων χρήσεως* («Об употреблении имен»), *Δόξαι* («Мнения») и пр. Ср. *Diogene Laerzio. Vite dei filosofi, a cura di Marcello Gigante. V. I. Roma — Bari, 1983, p. 208 f.; v. 2, p. 524; ср. также Dümmmler F. Akademika. Giessen, 1889, p. 202* (относительно характера, содержания и возможной направленности трактатов).

²³ Ср. Ryle. Op. cit., p. 72.

²⁴ Возможность существования какого бы то ни было устного курса лекций Платона вообще подвергается сомнению: *Cherniss H. The Riddle of the Early Academy. Berkeley, Los Angeles, 1945, p. 1—30.*

²⁵ *Dümmmler F. Chronologische Beiträge...*, S. 10—13; *Blass. Op. cit., II, S. 39 ff.; Ries. Op. cit., S. 159—161.*

²⁶ «Вы читаете оправдание, написанное под видом речи о тяжбе...» (*ἡναγίγνωσκατὴ τὴν ἀπολογίαὶν τὴν προσποιουμένην μὲν περί κρίσεως γράφθαι ... — Isocr., XV, 13).*

²⁷ *Münscher. Op. cit., Sp. 2148.*

втором процессе (Лисимаха) не имеет под собой оснований, кроме слишком буквально понятой речи *De permutatione*²⁸.

Далее, среди врагов Исократ в данной речи особенно часто упоминаются «эристикки» и «софисты». Под софистами Исократ понимал не представителей определенной профессии, а вообще деятелей гуманитарной сферы; и негативный оттенок это слово в его употреблении приобретает лишь в том случае, если какой-либо оратор или философ не оправдывает своего звания «мудреца»²⁹. Следовательно, софистом мог быть назван и любой представитель Академии. Более того, искать в упоминаниях софистов у Исократ намеки на Академию вполне допустимо, даже если исходить из терминологического значения слова: как показал Рэдер³⁰, сам Платон в лучшем случае отделяет себя от софистов, но не выступает против них. То, что эристиком мог быть назван Аристотель, мы попытаемся показать ниже.³¹

Таким образом, естественно предположить, что общее обострение тона по отношению к Академии, замеченное исследователями в речи *De permutatione*, сравнительно с более ранними произведениями Исократ³², вызвано появлением в Академии новой фигуры — Аристотеля, исходя из чего многие контексты требуют пересмотра и в первую очередь в речи XV, 258—269 — отрывок, полностью посвященный Академии³³.

В речи *Panathenaicus* в весьма сходном пассаже (XII, 26—29) Исократ не может намекать на Платона, говоря о современных ему учителях (речь написана в 342—341 гг.): «Дело в том, что я вижу, как некоторые из практикующих подобные занятия (подразумеваются геометрия, астрономия и «так называемые эристические диалоги»³⁴ — А. Р.) столь отточили свое искусство, что и других учат», — что заставляет предположить намек на Аристотеля. В то же время допущение определенной педагогической полезности этих занятий («тем не менее принявшимися за подобные занятия я все же советую потрудиться, обратив ко всему этому ум» — XII, 27) соотносится непосредственно с XV, 261: «...потому что я полагаю, что и те, кто господствует в области эристических сочинений (λόγοις), и те, кто занимается астрологией, геометрией и подобными науками, не вредят, но приносят пользу ученикам». Эти отрывки еще более проясняются при сопоставлении их с письмом Исократ к Александру, в котором он, говоря о неких афинских учителях, обучающих македонского наследника философии, в том числе и эристическому ее виду (*Epist.* V, 2—3), критикует такое образование («... потому что и вредно и не пристало людям, имеющим более возвышенный, нежели у других, образ мыслей, как самим спорить (ἐρίζειν) с согражданами, так и другим позволять

²⁸ Ср. *Der Kleine Pauly*, II, Sp. 1467, s. v. *Isokrates*; старая точка зрения на этот вопрос, согласно которой речь написана после реального процесса, высказана в *Oxford Classical Dictionary* (Oxf.², 1979, p. 554) и во введении к русскому переводу речи В. Д. Боруховича (ВДИ, 1968, № 2, с. 229).

²⁹ *Eucken*. Op. cit., S. 55.

³⁰ *Raeder H.* *Platon und die Sophisten*. Kopenhagen, 1939, passim.

³¹ Намеки на представителей остальных философских школ в произведениях Исократ различимы сравнительно редко. Один из немногих примеров связан с первым употреблением у Исократ термина «эристикки» (X, 1—5); в этом случае речь идет о человеке, который может доказывать противоположное об одной и той же вещи, и подразумевается, по всей видимости, Антистен. Ср. *Diog. Laert.*, 6.2; *Arist.*, *Metaph.* Δ 29, 1024 b 32; *Raeder H.* *Platon und die Rhetoren*. Kopenhagen, 1956, S. 8.

³² *Gomperz*. Op. cit., II, S. 14 f., 40; *Ries*. Op. cit., S. 162.

³³ Ср. прим. 25.

³⁴ Имеются в виду, скорее всего, диалоги как жанр, а не просто диспуты, в пользу чего говорит уточнение «так называемые»: τούς διαλόγους τούς ἐριστικούς καλούμενους.

противоречить (ἀντιλέγειν) себе) — и противопоставляет ему свою систему. Подразумевается, несомненно, Аристотель.

Основной аргумент тех, кто усматривает в *Isocr.*, XV, 258—269 указание на Платона, состоит в том, что в XV, 260 (такие ораторы, как Исократ, гораздо более кротки, чем эристики, называющие их φιλαπεχθήμωνες), они видят скрытую цитату из Платона: φιλαπεχθήμωνος ἔχοντα (Resp. 500 b)³⁵. Даже если их точка зрения справедлива (хотя контекст явно недостаточен для столь категорических утверждений)³⁶, намек на Аристотеля вовсе не исключается: в конце концов, Платон и Аристотель для Исократа — представители одного враждебного лагеря.

На Аристотеля, возможно, указывает и пассаж XV, 84—85, относимый многими исследователями опять-таки к Платону³⁷. Здесь говорится об учителях здравомыслия и справедливости, которые призывают к «таким добродетели и разумению, которые прочим неведомы и о которых сами они спорят» (ἐπὶ τὴν ἀρετὴν καὶ τὴν φρόνησιν ὑπὸ τῶν ἄλλων μὲν ἀγνωστομένην, ὑπ' αὐτῶν δὲ τούτων ἀντιλεγομένην).

Далее, с этим отрывком сопоставимо определение эристика (XV, 45): «есть и другие люди, упражняющиеся в вопросах и ответах; их именуют «спорщиками» (ἄλλοι δὲ τινες περὶ τὰς ἐρωτήσεις καὶ τὰς ἀποκρίσεις, γεγύνασιν, οὓς ἀντιλογικοὺς καλοῦσιν). Весьма вероятно, что здесь имеется в виду практика эристических диспутов, описанная Аристотелем (Top. 163 a — b)³⁸: для каждого тезиса необходимо рассмотреть доводы за и против, это дает возможность приобрести навык задавать вопросы и отвечать (πρὸς τε τὸ ἐρωτᾶν καὶ πρὸς τὸ ἀποκρίνεσθαι γεγυμνάσθαι)³⁹; причем для тренировки важна не столько истина сама по себе, сколько способность защищать и положительное, и отрицательное суждение в каждом случае (τὰ ἀφ' ἐκατέρου συμβαίνοντα τῆς ὑποθέσεως (sc. ὅτι οὕτως καὶ ὅτι οὐχ οὕτως). Понятно, почему Исократ подобные занятия обозначал глаголом ἀντιλέγειν.

Говоря о людях, которые «не заботясь о важнейшем, приходят в восторг от сказок старых мудрецов» (XV, 285), Исократ предостерегает юношей, вставших на путь эристического образования, как бы они не сбились на эти сказки, и называет среди авторов последних Эмпедокла, Иона, Алкмеона, Парменида, Мелисса и Горгия (XV, 268). Возможно, он имеет в виду то же, что и Аристотель в *Soph. El.* 182 b, где проводится рассуждение о возможности решения апорий Зенона и Парменида посредством установления многозначности понятий⁴⁰.

Предположительно определив, таким образом, место, относящееся к Аристотелю, в речи Исократа *De permutatione*, мы получаем возможность

³⁵ Dümmler F. *Akademika*. IV. Bonn, 1882, S. 55. f.; *Ries*. Op. cit., S. 160.

³⁶ *Ries*. loc. cit.: Dass Isokrates hier Platon aufs Kern nimmt, steht ausser Zweifel. В этом произведении Исократ употребляет еще раз слово φιλαπεχθήμων, причем как характеристику речи. Защищая Тимофея и рассуждая о причинах его военных и политических успехов, он говорит, что речь об этом φιλαπεχθήμων μὲν ρήθηται δ' οὐκ ἀσύμφορος. Данное место вряд ли соотносимо с Платоном.

³⁷ См., например, *Ries*. Op. cit., S. 158.

³⁸ *Ryle*. Op. cit., p. 74 f.

³⁹ Изд. W. D. Ross. Oxf., 1979.

⁴⁰ На этот способ, вероятно, намекает Исократ: «...если они смогут завлечь кого-нибудь к себе в ученики истолкованием понятий» (τῇ δόξῃ τῆ τῶν ὀνομάτων — *Isocr.*, XV, 85). Для того чтобы в этих словах увидеть указание на Платона, требуются достаточно искусственные построения (см. *Ries*. loc. cit.). Впрочем, сходный отрывок имеется и в более ранней «Елене», где намек на Аристотеля сомнителен: «Может ли кто превзойти Горгия, дерзнувшего утверждать, что ничего не существует, или Зенона, пытавшегося доказать, что одно и то же и возможно и невозможно, и т. п.» (*Isocr.*, X, 3).

с новой точки зрения определить контексты, касающиеся Платона. В XV, 15 среди выдвинутых ему обвинений Исократ называет следующее: *ῥῶν δὲ λέγει μὲν ὡς ἐγὼ τοὺς ἥττους λόγους κρείττους δύναμαι ποιεῖν*. Давно замечена здесь параллель с «Апологией» Платона, где приводится аналогичное обвинение в адрес Сократа (Apol. 19 b). О том же говорит Диоген Лаэртский (2,20), вспоминая и источник обвинения — комедию Аристофана «Облака»: *καὶ Ἀριστοφάνης αὐτὸν κωμῶδες ἴως τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιοῦντα* (Aristoph., Nubes, 112 sq.).

Однако у Исократа это место представляет собой не просто реминисценцию, а отзвук полемики по важнейшему гносеологическому вопросу. Федр в одноименном диалоге Платона, высказывая мнение ораторов, говорит, что намеревающемуся стать оратором нет нужды знать подлинно справедливое, достаточно того, что кажется справедливым большинству; то же касается прекрасного и блага (Plat., Phaedr. 260 a). Сократ полемизирует с этим положением и конкретизирует его, говоря о Тиссии и Горгии, которым казалось, «будто вместо истины надо больше почитать правдоподобие; силою своего слова они заставляют малое казаться большим, а большое — малым, новое представляют древним, а древнее — новым...» (пер. А. Н. Егунова) — *πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς εὐηθέα μᾶλλον, τὰ τε αὖ σμικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ φαίνεσθαι ποιοῦσιν διὰ ῥώμην λόγου, καινὰ τε ἀρχαίως καὶ τὰ ἐναντία καινῶς...* (Phaedr. 267 a—b)⁴¹. Мысль эта далее развивается Сократом на метафорических примерах из медицины и драматического искусства: человек, умеющий так воздействовать на тело, чтобы оно стало горячим или холодным, не есть еще врач; так же и тот, кто умеет о ничтожном сочинять длинейшие речи, а о великом — короткие, то жалобные, то грозные, — не есть еще драматург.

Рассматривая данные контексты, Радер выдвинул гипотезу, согласно которой за фигурами Горгия и Тиссия здесь скрывается Исократ⁴²: Сократ не может критиковать суждения самого Исократ, первые произведения которого появились уже после его смерти, и потому опровергает его учителей. Именно Тиссия и Горгия античные биографы называют в первую очередь среди учителей Исократ⁴³. Платон и сам дает читателю понять, что в имени Тиссия скрыт какой-то намек (273 c): «Ох, и ловко же прикрытое искусство изобрел Тиссий или кто бы там ни был другой и как бы он ни назывался». Если же Платон обвиняет Исократ в том, что он без внимания к истине заботится лишь о внешней убедительности, достигая ее путем приемышения изощренных технических приемов, то легко предположить, что упомянутое суждение Сократа о Тиссии и Горгии есть непосредственный отклик на заявление Исократ во вступлении к «Панегирику» (IV, 8), где Исократ ставит себе в заслугу умение лучше других пользоваться особыми свойствами речи, позволяющими «об одном и том же рассказать многими способами: представить великое убогим, а ничтожному придать величие; древнее изложить по-новому, а о недавнем происшедшем сказать по-старому...» (*περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι καὶ τὰ τε μεγάλα ταπεινά φαίνεσθαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι, καὶ τὰ τε παλαιὰ καινῶς διελθεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν...*). Очевидно и лексическое сходство между этими отрывками.

⁴¹ Ср. Phaedr. 272e: «В судах решительно никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность».

⁴² Raeder. Platon und die Rhetoren, S. 11—13.

⁴³ Dion. Halic., De veter. orat., Isocr. Athen., 1; «слушал он кносца Продика, леонтиада Горгия и спиракузца Тиссия»; ср. Ps.-Plut., X orat., vitae, 836 sq.

Платона, полагавшего, что к истине ведет знание (ἐπιστήμη), а мнению (δόξα) ⁴⁴ отводившего второстепенное место, не устраивало именно сознательное отрицание возможности организовать процесс познания вокруг поисков истины, а также возвеличение значения правдоподобных мнений — что мы как раз находим у Исократ: «Знанием нельзя постичь ее (надлежащую меру — *καίρος* — А. Р.), так как она в каждом случае от знания ускользает» (XV, 184); «поскольку человек неспособен иметь знание, с помощью которого он бы решал, что следует делать и говорить, то мудры из всех прочих те, кто может мнением (ταῖς δόξαις) вообще приблизиться к наилучшему (подразумевается — пониманию или решению — А. Р.)» (XV, 271). В последнем случае явный выпад против утверждающих иное: «то, что кое-кто именует философией, я отрицаю» (XV, 270). С приведенными местами сравнимы следующие: «гораздо лучше о полезных вещах правдоподобно строить предположения (ἐπιζήκως δόξαις), чем о бесполезных иметь точное знание (ἀκριβῶς ἐπίστασθαι)» (X, 5); «более согласны между собой и чаще оказываются правы те, кто пользуется мнениями (ταῖς δόξαις), чем те, кто заявляет о себе, что располагает знанием (ἐπιστήμην)» (XIII, 8); ср. XII, 30. То, что Исократ имеет в виду Платона, вызывает мало сомнений; то, что в указанных местах и Платон намекает на Исократ, подтверждается следующими соображениями. В уже упоминавшемся отрывке (см. прим. 44) Платон далее говорит о почитателях мнения в противовес знанию, что они достойны скорее называться «любителями мнения» (φιλόδοξοι), чем «любителями мудрости» (φιλόσοφοι) (Resp. 480 a), причем, по остроумному предположению Радера ⁴⁵, в обыгрывании значения φιλόδοξος содержится намек и на тщеславие Исократ.

В речи De permutatione (79—83) Исократ сравнивает деятельность оратора и законодателя, отдавая первой предпочтение: законы полезны только для отдельного государства или для частных лиц, а речи — для всей Эллады; законы способны устанавливать и многие прочие эллины и даже варвары, а произносить полезные и достойные государства речи — лишь очень немногие; законы ценятся самые старые, масса их всегда под рукой у законодателя, и ему следует лишь правильно выбрать необходимое из их числа, а речи всегда нужны новые и превосходящие созданные ранее. Гомперц справедливо замечает ⁴⁶, что Исократ вряд ли серьезно мог ценить себя выше великих законодателей прошлого — Солона и Клисфена. В таком случае весьма вероятно, что он имеет в виду современную ему законодательную деятельность Платона и его учеников. Члены Академии со времен сицилийских путешествий Платона превратились в политических экспертов; по свидетельству античных авторов, Платон сам неоднократно давал консультации по конституционным вопросам, хотя и отказался от намерения дать законы аркадянам, фиванцам и киренцам. А его ученики действительно были законодателями: Аристом — в Аркадии, Формион — в Элиде, Менедем — в Пирре ⁴⁷. Если в De perm. 78—83 подразумевается Платон, то маловероятно, чтобы в следующем параграфе (XV, 84), который вводится через резкое противопоставление: ἀλλὰ μὴν καὶ τῶν... (XV, 84) речь шла о нем же; таким образом, мы располагаем дополнительным аргументом в пользу сделанного выше предположения.

⁴⁴ Plat., Resp. 477 e: «Как можно, будучи в здравом уме, считать одним и тем же то, что безошибочно (подразумевается знание ἐπιστήμη—А. Р.), и то, что исполнено ошибок (подразумевается мнение — δόξα—А. Р.)!» (пер. А. Н. Егунова).

⁴⁵ Raeder. Platon und die Rhetoren, S. 9.

⁴⁶ Gomperz. Op. cit., II, S. 8.

⁴⁷ Ael., Var. hist. II, 42; Diog. Laert., 3, 23; ср. Plut., Adv. Col. 32 (1126 c, qq.); Münscher. Op. cit., Sp. 2170.

Сюда же следует отнести еще несколько свидетельств, редко вводимых в поле зрения исследователей. Первое из этих свидетельств — письмо Спевсиппа к Филиппу Македонскому: «даже Платона в речах, тебе посланных, он [Исократ] не оставляет в покое» (ὅτε Πλάτωνος ἐν τοῖς πρὸς σὲ πεμφθεῖσι λόγοις ἀλέσθηται)⁴⁸. Возможно, в виду имеется Isocr., V, 12 (Philippus): «такие речи недействительны подобно «законам» и «государствам», написанным софистами» (ὁμοίως οἱ τοιοῦτοι τῶν λόγων ἀκρι τοῦ γυγάνουσιν ὄντες τοῖς νόμοις καὶ ταῖς πολιτείαις ταῖς ὑπὸ τῶν σοφιστῶν γεγραμμέναις). Здесь весьма вероятно намек на «Государство» и «Законы» Платона, хотя уже в XI, 17, 20 Исократ употребляет те же слова (Бу-сирис — творец превосходных νόμων καὶ πολιτείας), где упоминание по крайней мере «Законов» невозможно по хронологическим соображениям⁴⁹. Однако здесь речь идет о государственных установлениях, а в процитированном отрывке именно о сочинениях⁵⁰; притом выпад в V, 12 направлен как раз против тех, кто критикует сочинения самого Исократа, в частности «Панегирик» (V, 10, 11) — ср. выше). Излишне теоретизированный и к тому же совершенно нереальный проект, предложенный в «Государстве» Платона, практическому мышлению Исократа мог представляться только бессмыслицей; реакция его поэтому не вызывает удивления.

К этому же или еще к одному письму Спевсиппа относится другое сообщение: «Спевсипп, узнав, что Филипп поносит Платона, отправил ему письмо в таком духе: как будто не знают люди, что и царскую власть Филипп получил благодаря Платону. . .»⁵¹. Трудно сказать, что может означать выражение «царскую власть Филипп получил благодаря Платону», но сам факт отрицательного отношения македонского царя к Платону дает возможность предположить влияние Исократа (особенно если учесть письма и речи последнего, адресованные Филиппу), хотя, разумеется, не исключено и воздействие Аристотеля через наследника. Перед нами встает интереснейшая проблема: почему в отношении одного иноземного монарха столкнулись интересы Аристотеля, Академии уже после смерти Платона (а может быть, в какой-то момент еще при его жизни) и Исократа, который также и считал и называл себя философом? Притом каждый из них стремился повлиять на македонского владыку в области теорий наилучшей системы воспитания и, судя по всему, управления. Здесь мысль Э. Шамбри о том, что в основе всей философской деятельности Платона, включая наиболее отвлеченную метафизику, лежит идея справедливого устройства государства⁵², оказывается верной и для других греческих мыслителей. При этом не прекращалась борьба между философскими школами и по внутренним, техническим вопросам; ср. Diog. Laert., 4,1: «И он первый [Спевсипп] обнародовал то, что у Исократа считалось его тайнами (так говорит Кеней)» (пер. М. Л. Гаспарова). Ф. Лео предположил, что причиной разлашения была враждебность по отношению к школе Исократа⁵³.

⁴⁸ Epist. socr. XXX, 2. — In: Speusipps Brief an König Philipp. Ed. L. E. Bickermann. J. Sikutris. Berichte Sächs. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl. 1928, 80.

⁴⁹ Tabula chronologica. — In: Thesleff H. Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982, p. 236f.

⁵⁰ Возможно, что и в V, 12 как о сочинении говорится лишь о πολιτείαи, поскольку νόμοις присоединено зевгматически и может подразумевать «установленные», «данные» софистами законы; это более правдоподобно, если принять во внимание, что «Законы» Платона скорее всего были опубликованы лишь через несколько лет после его смерти.

⁵¹ Carystus Pergamenus in Commentariis historicis apud Athenaeum lib. XI, p. 506 E. — In: Isaaci Casauboni notae atque Aegidii Menagii observationes et emendationes in Diogenem Laertium. Ed. Carolus Jacobitz. V. II. Lipsiae, 1833, p. 533.

⁵² Platon. Oeuvres complètes. T. VI. P., 1932, Introduction.

⁵³ Leo F. Die griechisch-römische Biographie. Lpz, 1901, S. 56 f.

В соответствии с этим М. Джиганте предлагает следующую конъектуру: соглашаясь с Якоби (FGtH, 338 F 18) в том, что имя Καλῆος представляет собой порчу текста, он отвергает его чтение Ἰδοκλεῆος (эпикуреец, автор сочинения «О сократиках», цитируемого Diog. Laert., 2, 20) и предлагает вариант Ἀφάρῆος — приемный сын Исократ⁵⁴. В таком случае перед нами свидетельство о продолжении борьбы уже после смерти ее начинателей.

Итак, исследование текстов Исократ⁵⁴ с использованием новой аристотелевской хронологии открывает новые пути изучения всего корпуса в целом и в особенности речи De permutatione. В связи с предполагаемым разделением функций в Академии между Платоном и Аристотелем начинает обрисовываться и новая картина полемики Исократ⁵⁴ с двумя философами: борьба с Аристотелем по вопросам риторики и нападки на диалектические занятия последнего, борьба с Платоном по вопросам гносеологии и вокруг проблем законодательства и разумного государственного устройства.

A. A. Россюк

---

⁵⁴ Diogene Laerzio. V. II, p. 499.

LA POLEMIQUE D'ISOCRATE CONTRE L'ACADEMIE

A. A. Rossius

L'analyse des rapports entre l'école d'Isocrate et l'Académie effectuée par les savants du XIXe et de la première moitié du XXe s. est incontestablement unilatérale: la plupart des attaques polémiques d'Isocrate seraient dirigées exclusivement contre Platon. Compte tenu des nouvelles acquisitions de la chronologie aristotélicienne et des hypothèses émises sur la position d'Aristote dans l'Académie au milieu du IVe s., il est possible de dégager dans les oeuvres d'Isocrate une strate considérable de polémique contre Aristote. La confrontation des oeuvres d'Isocrate et d'Aristote (la pratique des débats éristiques, le rapport entre la dialectique et la rhétorique) témoigne que les coïncidences verbales ne sont pas fortuites. La détermination de la place d'Aristote dans les discours d'Isocrate révèle des aspects nouveaux de la polémique sur la science exacte. Le matériel étudié suggère le schéma suivant des rapports entre l'école d'Isocrate et l'Académie: lutte contre Aristote dans le domaine de la dialectique et de la rhétorique; lutte contre Platon et ses adeptes dans les domaines de la gnoséologie et de la législation.